

С. В. АЛПАТОВ
(Москва)

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНДАХ

Тема «Житие и чудеса святителя Николая Мирликийского и слава его в России» поистине неисчерпаема. Богатейшая традиция древнерусской агиографии, записи народных легенд XIX столетия и живые свидетельства прошедшего и нынешнего веков – всё это открывает широкое поле для научного поиска и одновременно не позволяет ограничить материал жесткими рамками. Сходным образом и облегчает, и усложняет изучение легендарного образа обилие популярных и немалое число специальных научных исследований по истории церковного и народного почитания святого¹. Более того, имеющиеся исследования лишь отчасти освещают вопрос о значении образа св. Николая в процессе формирования жанра народной легенды на Руси. Если топика и сюжетики фольклорных легенд о Николае достаточно полно представлены сборниками народной прозы, то *механизмы* восприятия народной средой житийных и учительных текстов, а также сложения на их основе и по их образцу собственных религиозных нарративов осмыслены явно недостаточно.

В свете сказанного предмет настоящей статьи может быть определен как характеристика сюжетного состава, ключевых тем, идей и образов книжных произведений о св. Николае, с одной стороны, и выявление смысловых и формально-стилевых преобразований, которые претерпевает житийный образ святителя в структуре народного легендарного повествования – с другой.

Вопросы, касающиеся определения внешнего контекста и разметки внутреннего жанрового пространства легенды, достаточно подробно разобраны В. Я. Проппом [Пропп 1998]. Обозначенные им пограничные «стыки» народной легенды с ее богослужебными и книжными источниками, с духовными стихами и новеллистической сказкой равно значимы для настоящего исследования. Следует лишь изменить вектор рассуждения с классифицирующего *размежевания* на *связи* фольклорной

легенды с ментальным, культовым, текстовым потенциалом ортодоксального и народного христианства.

Говоря о связях народной легенды с ее источниками в церковной традиции, следует, помимо непосредственного знакомства рассказчиков с текстом жития святителя, учитывать влияние богослужебных песнопений, зрительного ряда иконы, проповеди. Обращенное к пастве *слово* не только по функции назидания совпадает с легендой. Так, *форма притчи* (лат. *exemplum*) соответствует первичным жанрам народной герменевтики – *иносказанию*, *изъяснению на примере*, *отсылке к прецедентному тексту-случаю*. Притча, таким образом, не только подхваченные из уст проповедника история, емкий образ, отточенная сентенция, но и готовый жанровый образец, по которому «отливаются» *чудеса*, *народные слухи* и *толки* религиозной природы и проблематики.

Вместе с тем эти новоявленные чудесные примеры помощи свыше, наказания-научения со стороны святого имеют и иные жанровые модели внутри фольклорной традиции. Мы имеем в виду новеллу и анекдот, которые роднит с легендой наличие в нарративной структуре некоей точки (point) небывалого доселе столкновения несовместимых (по оси высокое / низкое) реальностей². Необходимо осознавать, что указанный жанровый потенциал подспудно имеется и в исходном каноническом тексте жития, которое само характеризуется сложным комплексом персонажных взаимодействий и включает, помимо нравственных компонентов, психологические и утилитарные мотивировки действия. В нарративном пространстве жития «из любой точки можно "разумно" идти в разные стороны, везде находя смысл и нигде не теряя интереса к самому пути, вбирать в себя весь этот мир быта – частных людей, естественно формирующихся событий, простых вещей» [Топоров 1995, 617]. При этом именно *святой* образует центр житийного текста и является движущей силой всего нарративного механизма. «В житии он дан крупным планом, как на поясной или лицевой иконе, а все его связи с "многим и разным", вся "пестрота" жизни-жития образуют как бы рамку из многообразных клейм, в каждом из которых конкретный эпизод жизни, отдельное деяние хра-

² Ср.: «Авторы "примеров" имели все основания считать новеллу выродившейся формой "примера", в которой исчезает поражающий воображение контраст двух сталкивающихся миров – земного и потустороннего» [Гуревич 1989, 15].

¹ См. библиографию, опубликованную в этом номере альманаха (с. 57–66).

нит в себе отблеск света, исходящего от центрального образа, и в свою очередь как бы объясняет, истолковывает эту светоносность лика преподобного на конкретном примере» [Топоров 1995, 618].

Таким образом, народные легенды о св. Николае должны быть осмыслены нами, с одной стороны, как нарративные формы, непосредственно включенные в жанровый контекст церковной и фольклорной традиций, а с другой – как тексты, интерпретирующие и преобразующие исходные образцы и «заготовки». Проследим намеченные взаимодействия непосредственно на материале.

По данным «Указателя произведений о святителе Николае» [Крутова 1997, 164–213] отдельные эпизоды («чудеса») уже в рамках житийного канона обнаруживают взаимное тяготение и образуют более крупные сюжетные единства. Прежде всего это *чудеса избавления из темницы и плена*: сюжеты о трех воеводах, о Христофоре попе, о «некоем срацынине» и др. [Крутова 1997, 166–167]. В фольклорном репертуаре им соответствует широкий спектр легенд о спасении св. Николаем «впавших в разбойники». Наряду с бесчисленными меморатами о помощи святого в смертельной опасности, существует цикл легендарных фабулатов на сюжет о возвращении солдата со службы. Приведем характерный пример:

Был-жил солдат, на службе служил. Кончил срок, пошел домой. А далеко ему было до дому. Тогда еще железных дорог было мало. Он шел пешком, да где как подъедет, где на чем. Вот увидит, маленький домик стоит. Дом один на дороге. А ему говорили, что в этом доме убивают. Не всяк уйдет. Хозяин такой. В этом домике ему пришлось заночевать, далеко от населения. Он выпросился ночевать. Хозяина не было дома, была одна хозяйка. Лег он на полати. Женка заметила, что он закуривает из серебряного рога. А у солдата рог был серебряный да патронташ. Рог он записал под полати и лежит на полатах. Потом мужик приходит. Он притворился, что спит. А женка ему рассказывает: «Тут богатый солдат, у него серебряный рог». – «Он никуда не уйдет. Я поем и убью его».

А он слышит на полатах, всем богам молится. На родине у него был праздник Николая. Он давай ему молиться. А раньше двадцать пять лет служба была. После его там сестра вышла замуж за этого разбойника. А он не знал ничего. Ночью-то головорез говорит: «Ну, а теперь я его залилейкаю». Потом

под окном да и застучит: «Эй, справился?!» – «Справился, справился!». Шинельку в охапку – и в сани, а рог забыл под полатами. Выскочил. Разбойник не успел опомниться. Стоит тройка лошадей. Его ждут. Он вскочил в сани и поехал, только рёвушка пошла:

– Извозчик, торопись. Кто везет?

Тот в ответ:

– Мне еще более некогда. Служба утренняя начинается.

А это Николай Чудотворец был.

Приехал домой. Из саней вышел. Попросился остановиться на праздник, а матери не сказался, что сын. Пришел из церкви, повалился на печку, молчит.

А праздник был – Николин день. Его стали будить: «Вставай, служивый, пообедай с нами».

Слез с печи. Видит зятя и сестру. Те самые, у которых он был.

Вот потом он стал наливать. Он рюмку-то взял и стал поздравлять: «Папаша и мамаша, я ваш сын. Хорош-то ваш зятюшка, хороша невестрица, хотели меня убить». – «Завить надо полиции. Где, – говорят, – ты ночевал?» – «У меня там остатка осталась – рог серебряный, на полатах остался».

Взял людей, и поехали обследовать. Показал им, и зятя с сестрою посадили в тюрьму за такие выходки (зап. от Е.Т. Коротлева, 1898 г.р., д. Большой Бор Онежского р-на Архангельской обл. [АКФ МГУ 1965, т. 47, № 196]).

Тесно связаны с предшествующим тематическим блоком сюжеты о *покровительстве св. Николая мореплавателям*: «чудо святого отца Николы, како избави корабль от потопления» [Крутова 1997, 34–36, 206]; «чудо о некоем муже Димитрии, его же святой Николае избави от потопления» [Крутова 1997, 74–75, 192–193]; «чудо о трех мужех, иже от поганых изментаема в море, и святой Николае избави их от потопления» [Крутова 1997, 90–94, 185–186]. В параллель к житийным текстам приведем варианты легендарных преданий, бытующих на Русском Севере:

На зверобойство мужики поехали, и к ним пришли наниматься, подросток пришел, не в мужских годах. Они его и наняли в повара. А были тогда захватчики что ли Жажга и Калга. И вот они напромышляли зверишка-то. И поехали. Их сильный шторм к мысу прибил. К Жажге и Калге. А эти старички Богу молятся, Господа просят, чтобы он у них промысла не отобрал. А повар готовил обед. Вымочат

рукавицы, бросят: «Выжми», – говорят. А он спрашивает: «Досуха или вполсуха?» – «А что, жми досуха».

А он как повернет и аккурат впополам разорвал.

– Вот, получай.

Они видят, что за повар у нас, удивляются. И вот стало их к мысу прибывать. Он что им прикажет, то они и сделают. «В промысле невальный», – вот они всяко так говорят. А он: «Господи, подвали». – «Что ты, не суеверный?».

Их прибило к этому берегу. Калга идет промысел изъять. Приказывает выкладывать, сколько добычи есть. Ладно. Повар говорит: «А какой ему прамусел? Он не промышлял».

Они его под буйно пихают: «Молчи ты».

А он как выскочит из-под буйна, схватил поленце, хватил поленцем Калгу по голове. Избили их, захватчиков. Повара Николаем звали, в честь Николы и поставили часовенку. Осенью дело было. Никола избавил (зап. от В.И. Мехнина, 1907 г.р., с. Гридино Кемского р-на Карелии [АКФ МГУ 1968, т. 24, № 127]).

В приведенной легенде действующее лицо – благочестивый юноша, небесным покровителем которого является св. Николай, тогда как в вариантах, опубликованных Н.А. Криничной [Криничная 1991, № 245–247], действует сам св. Николай: «Пошел Николай-святитель поварам на морском судне» [Там же, 139 (№ 247)]. Подобная разработка сюжета сближает его как с житийным прототекстом, так и с сюжетами легендарной сказки «Купеческий сын отчитывает царевну» (см. ниже). Отметим также характерную для всех вариантов деталь: герой наносит противнику удар поленом, клюкой, посохом.

Особый поворот темы – **покровительство** св. Николая **иноверцам**, призывающим в опасности его имя. В записках о путешествии в Россию С. Герберштейн пересказывает услышанную им в Москве легенду:

Некто Михаил Кизалецкий, муж знатный и храбрый, в одном сражении с татарами преследовал знатного татарина. Ускорив бег лошади и все-таки не могши догнать его, он воскликнул: «Николай, доведи меня до этого человека». Татарин, услышав это, вскричал в страхе: «Николай, если он с твоей помощью нагонит меня, то этим ты не сделаешь никакого чуда; если же сохранишь невердимым меня, чуждаго твоей веры, тогда будет велико имя твое». Лошадь Михаила внезапно

встала, и татарин спасся. При своей жизни татарин каждый год приносил в дар Николаю несколько мер меду за свое спасение и посылал Михаилу в память своего избавления столько же мер и сверх того почетную меховую одежду [Вознесенский, Гусев 1899, 461].

Симптоматично совпадение финала процитированной легенды с финалом «чуда о половчине», где вразумленный иноплеменник не только приносит в Киев обещанный выкуп, но и в дар церкви св. Николая жертвует от своих многочисленных стад [Крутова 1997, 185; Вознесенский, Гусев 1899, 250]³. Характерность мотива для данного сюжетного комплекса подтверждается наличием его и в составе духовных стихов о св. Николае:

*...Микола святитель,
Можайский, Зарайский,
Морям проходитель,
Землям исповедник.
А знают Миколу
Неверныя орды.
А ставят Миколу
Свечи воску яры,
Кануны медвяны...
[Бессонов 1861 – 1864, 762–763 (№ 194)].*

Следующий значимый сюжетный комплекс в составе жития св. Николая образуют тексты, свидетельствующие об особой **заботе святого о детях и юношестве** (во многом связанные с предыдущими топосами плена, путешествия и мореплавания): «чудо о некоем детищи утопшем, его же святой Никола жива сохрани» [Крутова 1997, 75–78, 190–191]; «повесть о чудеси святаго отца Николы, яже о Агрикове сыне Василии» [Крутова 1997, 58–62, 181]. Мотивы данного блока получают своеобразное воплощение в мифологических рассказах о проклятых:

Да тут отец спал с сыном. Да утром-то выстал, да и скаже: «Этот пасик у меня вси бока намял ночь. Леший бы, – сказывает, – взял, все бока намял мальчик». А мать-то и скаже: «Господи, сохрани да помилуй». Ну вот. Сели чай пить.

И надо было парню в лес ехать, а парню было годов четырнадцать. И вот парень поехал в лес... и парня нету-нету-нету. А при-

³ Ср. также материалы главы «Святитель Николай – великий миссионер Православия в Сибири среди инородцев и слава его среди них» [Вознесенский, Гусев 1899, 612–615].

шел к парню цыган такой большой, с трубой, леший, значит. И коня у ступа взяла и замотала – и коню-то ни с места. А парень стоит вот так: живой не во день, дрожит. А тот говорит: «Не дрожи, скоро за тобой придет целая группа».

А парень боится.

А с другой стороны идет маленький такой мужичок, такая борода, и говорит этому лешему-то: «Ты изыди прочь, чтоб тебя не было!».

Как поломился... поломил-поломил-поломил, лес-то так, скаже, и трещит.

Да! Потом, значит, этот мужичок взял его... Это был Николай-чудотворец... Вот, с белой бородкой. И высек у него то выпряжье, его на воз посадил. А паренек-то и скаже: «Дедушко, проводи меня, я боюсь». – «Нет, не бойся: тебя никто теперь не тронет... Тебя встретят твои родители».

Только на ростань ту выехал, и отец да мати встречают... Дома рассказал – да и онемел и говорить больше не стал [Криничная 1989, 257–258].

Помимо центрального сюжетобразующего мотива проклятия / благословения, отдающих ребенка во власть / под покровительство потустороннего мира, отметим не менее существенный мотив страха-маловерия ребенка / веры материнской, выводящий текст из поля демонологической прозы в сферу легенд об искушениях – духовно-нравственных испытаниях личности.

Попутно отметим две стереотипные детали образа св. Николая – седая борода и энергичный жест – как словесный: «изыди прочь», так и собственно акциональный: «и высек у него то выпряжье» (отсылающий к «Ариеву заушению», с одной стороны, и к указанному выше удару посохом – с другой).

К рассматриваемому блоку непосредственно примыкает известный эпизод «Сказания о трех девицах» [Крутова 1997, 14–17, 201]. Мотив трех узелков золота, спасших отроковиц от бесчестия, включает в сферу нашего внимания новую тему – богатства и, одновременно, тему брака-судьбы⁴.

Тема богатства разнопланово представлена в книжной и фольклорной традициях. В Жи-

⁴ Существенно, что практически каждый житийный эпизод реализует не одну, а несколько взаимосвязанных тем. Это является одним из факторов последующей циклизации фольклорных сюжетов вокруг образа свт. Николая.

тии св. Николая мы находим «Чудо о умножении жита на ниве» [Крутова 1997, 206]. Необходимо упомянуть и «Слово о знаменнии церковнем и о явлении Архангела Михаила и о глаголении святого с ним о жатве» [Крутова 1997, 204], в параллель к которым встает известный сюжет народной легенды «Илья Пророк и Николай Чудотворец» (СУС 846*):

Жили два брата, один – богато, а другой – бедно. Бедный брат стал сеять. В это время подъехали к нему верхами и с ружьями два полесовника: на одной лошадке Илья Пророк, а на другой – Николай Чудотворец. Сошли они с лошадей и говорят: «Теперь ты свою лошадку спусти на травку, а мою возьми и спашу одну половинку, – где пшеница; а на другую половинку возьми лошадку у моего товарища и запашу жито. Мы же пойдем пока, побьем птицу»... Перед самым концом запашки Илья Пророк и спрашивает: «А которая из лошадей получше, моя аль моего товарища?». Мужик и говорит: «Твоего товарища-то намного лучше» [Смирнов 2003, 247].

В народной легенде о помощи св. Николаю мужику, невольно обидевшему гневливого Илью Пророка, привлекают внимание не столько бытовленные образы святых-«полесовников», сколько разграничение их функций в плане наделения богатством. Илья Пророк «заведует» природным компонентом хозяйственной деятельности человека (ср.: «"Миколай! Что это парень сказал? Рази ты родишь пшеницу? Ведь не ты, а я премудрость эту творю". – "Как же его судить? Он человек простой: он нашего дела не знает"») [Садовников 2003, 267]), тогда как св. Николай характеризуется как умелый «менеджер» и знаток социальной психологии (ср.: «Продай поскорей весь твой хлеб ильцинскому батьке на корню» [Афанасьев 1990, 73]).

Тема материального благополучия получает новый поворот в связи с мотивом *искушения богатством*. В книжном «чуде о неповинном отроце в татьбе» [Крутова 1997, 191] и в особенности в фольклорных легендах о предостереженном или наказанном воре земные блага оказываются камнем преткновения для героев. В самарской легенде два соседскохотника повстречали св. Николая:

... Они его не узнали и за человека сосчитали. И говорит он им: «Не ходите этой тропочкой, охотнички!» – «А что, дедушка?» – «Тут, други, через эту тропочку лежит прее-

лика змея и нельзя ни пройти, ни проехать». – «Спасибо тебе, дедушка, что нас от смерти отвел». Дедушка и ушел. Постояли охотники, и подумали, и говорят: «А что нам, какая вещь змея! С нами орудия много. Дерьма-то не убить, змею?». И пошли. Дошли и видят: превеличающий бугор казны на тропочке, и рассмехнулись друг с дружкой: «Вон он что, старый дурак, нам сказал! Кабы мы не пошли, он бы казну-то взял, а теперь ее нам не прожить»...

Соблазнившись легкой поживой и не вняв предостережениям святого, два приятеля готовят друг другу верную смерть (отравленный хлеб vs пуля в спину) – «И казна тут осталась: съела змея обоих» [Садовников 2003, 265–266] (аналог. см.: СУС 763).

В новгородской легенде обнищавший мужик в простоте душевной молится святителю: «Николай Чудотворец, пойдя я от бедности красть к богачу, а ты спаси меня, если не попадусь, так свечку поставлю тебе». Но только он взял денег и стал выходить вон, как нечаянно задел ногой за что-то – «загрело, застучало, да и свет стал появляться». Убегая от погони, он прячется в палой корове, а в воскресение в благодарность за спасение идет в церковь и ставит Николаю Чудотворцу свечку в 10 копеек. Возвращаясь из церкви, встречает он незнакомого старичка, который спрашивает:

«А что, мужичок, исполнил ли ты завет-то свой?» – «А разве ты знаешь про мой завет?» – «А если бы не знал, так у тебя не спрашивал», – отвечает встречник. – «А коли знаешь, так скажу тебе, что исполнил». – «А каково тебе было лежать в падине-то?» – «Желанный ты мой батюшка! Уж коли ты знаешь про мое дело, так не говори никому. Лежавши-то в падине, я ведь чуть не помер». – «Ты чуть в падине не задохся, а я от твоей свечки, которую ты поставил в церкви, чуть не задохся» [Смирнов 2003, 246]⁵ (СУС 848*).

В том же ряду находятся монастырские легенды о чудесном наказании грабителей. Так, в валаамском Никольском скиту резной образ Николы Можайского, как не совсем каноничный, был вынесен из храма в часовню, а по ее обветшании и разрушению поставлен у стены, с внешней стороны которой висела монастырская кружка для пожертвований. Некий чухонец едва потянулся к ней с намерением украсть

содержимое, как из стены вышел старец и удержал его за руку [Вознесенский, Гусев 1899, 492]. Народная этимология объясняет именование киевского образа святителя «Притиско-Никольский» следующим образом: однажды вор выбирался из храма с мешком награбленной утвари через окно, над которым находилась икона Святителя. Упавший образ притиснул вора, которого бесчувственным и обнаружили утром прихожане [Вознесенский, Гусев 1899, 509].

Рассмотренные выше связи образа св. Николая с темами богатства, успешного ведения разнообразной хозяйственной деятельности непосредственно выводят нас к сюжетам о *покровительстве святого торговле*. Мотив «образ св. Николая порукой» (СУС 849*) представлен в житии эпизодами: «чудо святого отца Николы о иконе, юже жидовин повеле себе написати, вручи ей свои вещи и отиде в путь» [Крутова 1997, 203]; «чудо св. Николая о злате от жидовина некоему христианину» («Бе некто от христиан, иже взаим взят у жидовина злата немало, не имея даже кто о нем поручится») [Крутова 1997, 183]; «чудо св. Николы о половчине» [Крутова 1997, 185].

В фольклорной традиции сюжет о поручительстве перед образом святителя, нарушенной клятве и наказании иконы, как правило, имеет продолжением сюжет «Купеческий сын отчитывает проклятую царевну» [Афанасьев 1990, № 11; Смирнов 2003, №№ 39, 51, 329; Соколовы 1999, №№ 38, 77; Чернышев 1950, № 70] (СУС 307, 507), вводящий наряду с темами богатства, торговли и морского путешествия упомянутую выше тему *брака-судьбы*, а также мотивы чудесного *исцеления* и *изгнания бесов*.

Тема жизненного предназначения в сочетании с темами материального достатка и чудесного исцеления организуют известный сюжет «Николай Чудотворец и поп» («Кто просфорку съел?») [Афанасьев 1990, №№ 4, 5; Смирнов 2003, №№ 155, 270; Соколовы 1999, № 101] (СУС 785), а также сюжет «Как Никола с мужиком путешествовали» [Смирнов 2003, № 98] с характерными символическими реалиями горящая / потухающая свеча (лампада) – человеческая доля.

Чудо физического исцеления, подаваемого св. Николаем, неразрывно связано в народном сознании с духовным просвещением человека, сподобившегося посещения святым:

Николай Чудотворец. Это я читала. Он же хрдил, проповедовал, Николай Чудотворец...

⁵ Ср. вариант: [Афанасьев 1984, № 451].

Это у нас в совхозе жила двоюродного брата жена. Ну, она так приболела, но еще ходила, а мужик болел – лежал. И вот, значит, сноха и дочка пришли прибирать в комнате. Ага. Вот они прибирают. Она там принесет-поднесет. Вышла на двор, а старичок идет. К калитке подошел: «Хозяйюшка, можно вас?» – «Можно». – «У вас иконочка обновилась. Можно прийти, помолиться Богу?».

Она, значит, когда вышла на двор, потом, значит, вошла в хату, иконочка в святом угле висит. Она глянула: «Дивчаты, а чой-то иконочка так блестит». Ага. Они говорят: «Не знаем». А она прям горит. Ага. И она как сказала: она до половины обновилась, а эта как была, теменькая. Они чистили, мыли, она всё равно не такая. Ага.

Они глянули, она обновилась: блестит, горит вся чисто. Вот она вышла. Идет старичок: «Хозяйюшка, можно вас?» – «Можно». – «У вас иконочка обновилась. Можно прийти, помолиться Богу?».

Она говорит: «Я пойду хозяина спросить». Он ляжчит в постели. Она приходит: «Ваня, старичок просит, чтобы я у вас помолится Богу: у вас иконочка обновилась». Он говорит: «Да пускай», – говорит. Вот зашел, помолился над иконочкой, поблагодарил хозяев же и пошел. Она его провожает. Дошли до калитки. Он уже в калитке. Она глядь – туда-сюда: его уж нету. Она и туда и сюда: ну, проходит же человек, видно, а тут нет, как скрозь землю провалился. А как раз Николай Чудотворец ходил, молился, приказывал добрым людям то-то, то-то. А теперь никто не ходят. Никто не ходят, не благодарит, не попросит – ничего. Вот так и писано (зап. от П.М. Леоновой, 1914 г.р., ст. Константиновская Ростовской обл. [АКФ МГУ 1997, т. 10, № 20]).

Характерно, что в процитированной легенде сам св. Николай подает пример сердечной молитвы и благоговейного отношения к иконе. Ту же тему инверсированно разрабатывают легенды о **непочитании образа** святого или **праздника** в его честь. Это прежде всего «Чудо святого Николы о 3 иконах, еже повеле написать Феофану» [Крутова 1997, 213], которое в большинстве редакций жития имеет заглавие «Како избави патриарха от потопления». Характерно, что в указанной выше народной легенде «Кто просфорку съел?» основной мотив непочтительного отношения / наказания иконы святителя Николая также связан с мотивом избавления от потопления:

... Вот этим делам-та пашли ани апять в дорогу; шли, или, и пришли к речке. Христос с Николай миласливым разом перешли легаханька, а поп-ат с деньгами шол-шол по ваде-та и начал была тонуть. С другова-та берегу Христос с Николай миласливым кричат ему: «Брось, брось деньги! брось, слыш, деньги! а то утонишь». – «Нет, – гаварит, – хоть утану, а их не брошу!» [Афанасьев 1990, 44–45]⁶.

За непочитание праздника в честь св. Николая в книжной легенде наказывают св. Борис и Глеб: «В граде Дорогобужу некая жена раба суци делав сети повеление госпожа своея в день святого Николы и внезапно явистая ей святая страстотерпца претяще ей...» [Крутова 1997, 185]. Заметим, что в народной легенде сам св. Николай наказывает за непочитание пятницы:

Шел однажды старичок такой, Никола Милостивый, а дело было в пятницу, и повстречал он двух женщин. Одна женщина белье полоскала, а в пятницу грех белье полоскать. И вот когда он проходил мимо этой женщины, то ничего ей не сказал. А когда проходил мимо второй женщины, – а она перед этим ребенка своего сзубила, – то он, старичок этот, сказал ей: «Бог в помощь». И первая женщина подумала: «Как это? Мне Никола Милостивый ничего не сказал, а ей сказал, хотя ее грех намного больше».

А это вот почему. Которая женщина ребенка сзубила, она покается. Она душу сзубила, и она покается, и поэтому ей Никола Милостивый сказал: «Бог в помощь». А которая женщина белье полоскала, она не заметила своего грех, она не покается, и поэтому он просто молча прошел (зап. от А.Ф. Морозовой, 1905 г.р., с. Соколки Мамадышского р-на Татарии [АКФ МГУ 1984, т. 14, № 70]).

⁶ Ср. вариант: «Идут путем-дорогою, а там река, как Шексна, и лодка привязана: "Давай переправляться". Иисус Христос бурю нагнал. Прохажий тонет, а Иисус Христос по воде идет.

– Где сердце, ты съел?

Тот захлебывается.

– Нет, нет, я не видел.

Не повинулся, пришлось спасать» (зап. от И.К. Цветкова в д. Чурилово Чебсорского р-на Вологодской обл. [АКФ МГУ 1954, т. 2, № 14]). Ср. также идиому из русско-немецкого разговорника XVII в.: «Не возьми ты на сво<ю> душу <грех>, отдай ты мо<е> прямо да души тво<ей> не потопи!» [Fenne 1970, 292.3].

Итак, отметим следующие характерные черты народных легенд о св. Николае. Существует устойчивый круг сюжетов, связанных с образом этого святого (помощь плененным, избавление от потопления, подаяние материальных благ, успехи в торговле, исцеление немощных и т.д.). Перечисленные мотивы являются сюжетообразующими для разного типа легенд и вместе с тем не функционируют независимо друг от друга, а, наоборот, образуют ассоциативные комплексы («образ порукой» – нарушение договора – морское путешествие – успех в торговле – чудесное исцеление etc.). Характерно, что обозначенные интертекстуальные связи разных сюжетных комплексов осознавались уже в рамках древнерусской агиографической традиции. Так, обрамляющий киевское «чудо о некоем детище утопшем, его же святыи Николае жива сохрани» авторский метатекст прямо указывает на смысловую связь данного эпизода жития с предшествующими: *«Кто убо слышав не подивится великим и талико многим чудесем святого отца Николы, иже вселенную всю чудотворными сиянии испални, яко же речеса и есть. Греки убо хвалятся, Италия же и Сирия удивляется, и Русская вся страна того убажжаючи величает, понеже святыи Николае везде призывающим его быстро предваряет и присно милостивно от находящих бед и скорбей всех избавляет. Якоже днесь о чудеси святого отца от настоящия повести вину слова предаде глаголет, еже сотворися чудо во граде Кивее, прислешие бо памяти святыих мученик Бориса и Глеба...»* [Крутова 1997, 75–76]. Более того, в финале рассматриваемого эпизода та же мысль о взаимной соотнесенности изложенных в житии чудес высказывается устами самих героев повествования: *«... Слышав же отец онаго детища и шедши сказа жене своей, сиче рече: еда есть наше детище, о жено. Она же сия слышавши и поноси мужеву своему глаголя: или не разумееш святаго отца Николы великого чудотворения, како три оныя мужи от смерти избави, и Василия сына Агриякова от срацынских рук восхити, и Димитрия онаго мужа из дна моря взя и во своети ему клетки заключенней посади, и ина многа безчисленная чудеса святым отцем Николаю содеяшеса, их же язык человеческий изрещи не может. И тако глаголавши скоро текши познаста свое чада»* [Крутова 1997, 78].

Существенно также, что указанные интертекстуальные связи реализуются в народной легенде не только на уровне сюжетообразу-

ющих мотивов и базовых концептов, но и на «поверхностном» уровне конкретных реалий вещного мира, обретающих в силу своей стереотипности статус символических деталей. Проиллюстрируем последнее положение на конкретных примерах.

Жила женщина с детьми. У ней муж колдун был, а она этого не знала. Он всё уходил из даму, пасся в поле. Вот он очень захворал, лежал в постели. Жена говорит: «Надо позвать попа!». А он этого не хочет. Жена все-таки позвала. Поп пришел, мужик от него отворотился, его не принял. Поп ушел, женщине не сказал: «Если он помрет, ты с ним в избе не оставайся ночью». Мужик помер, а баба подумала: «Куда я из своей избы пойду. Оттанусь. Что мне будет?». <...> Вот она видит: покойник откинул руку, откинул другую, встал... Женщина закричала: «Батюшки, человецкие угодники, помогите мне!». <...> Старичок сказал женщине: «Хорошо, что ты нас позвала. Мы иной раз в одну ночь столько пар туплей износим, бежим помочь тем, кто нас призывает» [Чернышев 1950, 194–195].

В приведенном «кратком пересказе» псковской легенды о заложном покойнике помимо подробности «колдун был... пасся в поле» (т.е. был пастухом, использовавшим отпуск) привлекает внимание формула «батюшки, человецкие угодники». Предположение В.И. Чернышева о том, что имелись в виду «соловецкие угодники» Зосима и Савватий, поддерживается как данными псковской диалектной фонетики⁷, так и сведениями о наиболее почитаемых святых на исторической территории новгородской колонизации (по количеству престольных праздников следом за двенадцатыми и Богородичными идут *святитель Николай, Илья Пророк, архангел Михаил, св. Димитрий Солунский, вмч. Георгий, св. Борис и Глеб, св. Зосима и Савватий Соловецкие* [Верещагин 1901, 35–36]). Однако фраза рассказчицы «Хорошо, что ты нас позвала» может вовсе не обозначать пару, а относиться к «святым вообще»⁸. В этом случае выражение «че-

⁷ О псковском «шепелявеньи» см.: [Зализняк 2004, 52].

⁸ Ср.: «Одна женщина <...> шла дорогой, ее вело, вело. <...> Думала – по дороге идет, а ее вошло. Ее в сторону завело. Она всех богов собрала – и нашла дорогу...» [Иванова 1995, 37 (№ 105)].

ловещие угодники» требует иного истолкования, а именно – *угодившие людям*⁹. Подтверждением адекватности такой интерпретации служат следующие варианты рассматриваемого нами сюжета, в которых действует непосредственно Николай Угодник:

У жены мужик помер. Его нарядили, повалили на лавку. А у ей ребенок был годов трех-четырех. Раньше, когда помрет кто – молотить не давали, чтоб не разбудить. А женка-то глупа была, не сказали ей. Она мелет в заулке за печью-то, а ребенок на печи сидит. Вдруг к матери кидается.

- Ой, мама, тата разокутался!
- А не плети давай ничего-то.
- Мама! Тата стал ведь!
- А ну тебя.
- Мама, тата-то к печке идет.
- Тут она вскочила и видит – правда!
- Господи! Беда!

Она на печь полезла, а он подошел, брусто грызет у печки – не может залезть на печь. Она:

- Ой, ой, что делать-то?
- А он всё грызет да грызет. Она:
- Господи, святые угодники! Помогите мне, как его от печи-то отогнать! Хошь бы отошел он.

Тут в избу зайдя старичок: старой, седатой, ремховатой.

- Дедушка, помоги!
- Этот-то старичок его рукой жаркнет:
- Иди на свое место!

И покойник пошел на свое место, портнам закрылся. Она говорит:

- Дедушка, посиди со мной, мне страшно.
- Нет, – говорит, – на море кораб тонет, мне надо идти спасать.

А был это Николай-чудотворец [Иванова 1995, 50 (№ 149)]¹⁰.

⁹ Ср. образец народной этимологии: «Николай Угодник – заслуженный, да. Чем-то уж он угождал, видимо, народу, рас люди ему маляцца и ево почитают ф святых» [Мороз 2004, 50]. О народном понимании святости как самоуменьшения (*кенозиса*), труженичества, сострадания и служения ближнему см.: [Федотов 1991, 99–104; Клибанов 1996, 90–97; Топоров 1995, 681–751].

¹⁰ Ср. вариант: «Один мужик помер, у женки лежит на лавке. А он ночью с лавки встал, всё грызет. Она всех святых собрала, Николая угодника. Он и стучится, она открыла, он зашел, она за него прычется.

- Не бойся, – говорит.
- Как тросточкой махнул, сказал:
- Ложись, окаанный, на место!

Характерно соединение в рамках одного сюжета целого ряда типичных мотивов легенд о св. Николае (святой угодник, энергичный жест удара, страх маловерного человека, спасение корабля от потопления). Показательно, что указанные элементы сохраняются и в вариантах, зеркально преобразующих сюжет:

Это ещё мама рассказывала. Старуха давно жила, а старик у её был колдун. И он умер. Она одна осталась. Осталась только собака. А он, её мужик, как умирал, крестики просил сделать на ногах. <...> Она не поспела. Ночь пришла, она села на трубочку, на печку, стала молиться Богу, чтобы кто пришел к ней (а это страшно, знаешь, ей стало). А гроб в избе стоял. И вот в двенадцать часов ночи стал он, мужик её, в гробе подниматься. А она смотрит – и страшно ей так! Собака-то подскочила к нему, он и свалил собаку. А потом встал, подходит к печи и стал у ней зубами голбец грызть. А она молится всё Богу. Двенадцать часов кончилось, она уже дрожит вся. Вдруг отворяются двери, входит окаанной и хресь его, колдуна, ключами!

– Всё, – говорит ей, – спи спокойно. А то в море корабль тонул, мы пособили.

Они его помогли в гроб уложить, чертите. На следующий день его схоронили. <...> [Иванова 1996, 63 (№ 200)]¹¹.

Последовательный анализ массива народных легенд о св. Николае на предмет интертекстуальных связей выявляет не только наличие общих сюжетных ходов в легендах разных тематических блоков, но и присутствие практически во всех вариантах символической реалии: *поленце повара Николая и посох св. Николая, ключи окаанного и ключи попа, который бьет образ святого по плещи [Афанасьев 1990, № 5]¹².*

Тот и лег. Она:

- Ночуй, старичок.
- Не могу, на море судно тонет, надо спасать.
- И ушел* [Иванова 1995, 50 (№ 150)].

¹¹ Инверсия мотива *помощь святого / помощь нечистого* обусловлена, с одной стороны, верованием, что по смерти черти забирают душу колдуна, а с другой стороны, самим характером молитвы испуганной женщины: «*Стала молиться Богу, чтобы (хоть. – С.А.) кто пришел к ней*».

¹² В качестве возможной исследовательской перспективы укажем на архетипический подтекст образного комплекса *корабль – море – ключи*, ассоциированного с концептами *судьба – воля*. См. подробнее: [Топоров 1994; Плоханова 1996], а также сюжеты былины «Садко» [Новгородские былины

Таким образом, народные легенды о св. Николае достаточно полно воспроизводят сюжетный состав и топику житийного канона и количественно пополняют фонд повествований о святом. Фольклорные варианты существенно усложняют нарративную природу жанра, вовлекая в сферу легендарного повествования образы и мотивы смежных жанровых форм (былички о проклятых, анекдоты о ворах, новеллы о заморских путешествиях). Вместе с тем вновь возникающие сюжетные коллизии и межжанровые взаимодействия не разрушают целостного образа св. Николая. Единство легендарного образа святого осуществляется на уровне общих сюжетных тем (богатство, почитание образа святого, путешествие, исцеление), на уровне деталей портрета (белая борода), атрибутки (посох-ключак-ключи), жестовых и речевых стереотипов (энергичный жест удара, властные речь-отлучение и речь-благословение), но, главным образом, в плане центральной идеи – спасение души человеческой в прижизненных искушениях на пути к посмертному суду-судьбе.

Литература

- Афанасьев 1984 – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М., 1984. Т. 1–3.
Афанасьев 1990 – Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990.
Балашов 1963 – Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д.М. Балашова. М.; Л., 1963.
Бессонов 1861–1864 – Калики переходные. Сб. стихов и исследование П.А. Бессонова. М., 1861–1864.
Верещагин 1901 – *Верещагин А.С.* Почитание Николая Можайского на Вятке в XVII веке // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Вятка, 1901.
Вознесенский, Гусев 1899 – *Вознесенский А., Гусев Ф.* Житие и чудеса св. Николая Чудотворца. СПб., 1899 (Репринт. изд.: М., 1994).
Гуревич 1989 – *Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников: exempla XIII века. М., 1989.
Зализняк 2004 – *Зализняк А.А.* Древнесновгородский диалект. М., 2004.
Иванова 1995 – Мифология Пинсжья / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Ивановой. Карпогоры, 1995.
Иванова 1996 – Вятский фольклор. Мифология / Изд. подгот. А.А. Иванова. Котельнич, 1996.
Клибанов 1996 – *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.

1978, № 27], духовного стиха «Встреча инока со Христом» [Марков 2002, №№ 119, 148, 327], свадебной лирической песни «Развивалась мать пола вода» [Колпакова 1973, №№ 246–249].

Колпакова 1973 – Лирика русской свадьбы / Сост. Н.П. Колпакова. Л., 1973.

Криничная 1989 – Легенды, предания, бывальщины / Сост. Н.А. Криничная. М., 1989.

Криничная 1991 – *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Крутова 1997 – *Крутова М.С.* Святитель Николай в древнерусской письменности. М., 1997.

Марков 2002 – *Марков А.В.* Беломорские старини и духовные стихи. Собрание А.В. Маркова / Отв. ред. Т.Г. Иванова; Изд. подгот. С.Н. Азбелев, Ю.И. Марченко. СПб., 2002.

Мороз 2004 – *Мороз А.Б.* Народная агрография Каргополя // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. Вып. 3. С. 43–61.

Новгородские былины 1978 – Новгородские былины / Сост. В.Г. Смолицкий, Ю.И. Смирнов. М., 1978.

Плюханова 1996 – *Плюханова М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самоожожение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – нач. XVIII века). М., 1996. С. 380–459.

Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Легенда // Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 269–300.

Садовников 2003 – *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края. СПб., 2003.

Смирнов 2003 – *Смирнов А.М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. СПб., 2003.

Соколовы 1999 – *Соколов Б.М., Соколов Ю.М.* Сказки и песни Белозерского края. СПб., 1999.

Тарабукина 1999 – *Тарабукина А.В.* Фольклор и культура прицерковного круга. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.

Топоров 1994 – *Топоров В.Н.* О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // История культуры и поэтика. М., 1994. С. 11–52.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Святые и святость в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1.

Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Федотов 1991 – *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

Чернышев 1950 – *Чернышев В.И.* Сказки и легенды Пушкинских мест. М.; Л., 1950.

Чистов 2003 – *Чистов К.В.* Русская народная утопия. СПб., 2003.

Fenne 1970 – *Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov 1607. Vol. II. Translation and Transliteration / Ed. by L.L. Hummerich and Roman Jakobson.* Copenhagen, 1970.

Сокращения

АКФ МГУ – архив кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников и др. Л., 1979.